

Василий Петрович Авенариус

**Чем был для Гоголя
Пушкин**



Василий Петрович Авенариус

Чем был для Гоголя Пушкин

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2572285

Аннотация

«Гора с горой не сходится», – говорит пословица, и не совсем справедливо. Гениальные люди – те же горы среди прочей мелкоты людской – сходятся именно благодаря взаимной притягательной силе. Так сблизились два гения немецкой литературы – Гёте и Шиллер; так сошлись гордость и слава родной нашей словесности – Пушкин и Гоголь, несмотря на большую разность лет, на совершенную разнородность натур: положительной и отрицательной; оба – воплощенная жизнь; но Пушкин – вся ее красота и поэзия, Гоголь – вся ее будничная, неприкрашенная правда...»

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Василий Петрович Авенариус Чем был для Гоголя Пушкин *Литературный очерк*

I

«Гора с горой не сходится», – говорит пословица, и не совсем справедливо. Гениальные люди – те же горы среди прочей мелкоты людской – сходятся именно благодаря взаимной притягательной силе. Так сблизились два гения немецкой литературы – Гёте и Шиллер; так сошлись гордость и слава родной нашей словесности – Пушкин и Гоголь, несмотря на большую разность лет¹, на совершенную разнородность натур: положительной и отрицательной; оба – воплощенная жизнь; но Пушкин – вся ее красота и поэзия, Гоголь – вся ее будничная, неприкрашенная правда.

Они сошлись. Волна и камень,

¹ Пушкин родился 26 мая (6 июня) 1799 г., Гоголь – 20 марта (1 апреля) 1809 г.

Стихи и проза, лед и пламень
Не столь различны меж собой.

«Евгений Онегин»

До знакомства своего с Пушкиным Гоголь не помышлял серьезно о писательской карьере, хотя, подобно большинству молодых людей, еще на школьной скамье упражнялся в стихах и в прозе. Семейная обстановка благоприятствовала развитию его таланта. Отец его, Василий Афанасьевич Гоголь-Яновский², сын полкового писаря, дослужившись до чина коллежского асессора, поселился в своей небольшой наследственной деревеньке Яновщине (в настоящее время – Васильевка), в 35-ти верстах от Полтавы. При скромных средствах Василий Афанасьевич был большой хлебосол и неистощимыми юмористическими рассказами умел приправлять всякое блюдо. Так Яновщина его сделалась вскоре своего рода умственным центром целого уезда. Здесь-то и происходили те сказочные «Вечера на хуторе», которые гениальный сын его перенес потом в своих повестях в Диканьку (Миргородского уезда, Полтавской губ.). Сосед и добрый приятель Гоголей, дальний родственник ма-

² Вторая половина фамилии – Яновский – была опущена уже сыном-Гоголем. В письме к матери из Петербурга от 6 февраля 1832 г. он с обычным своим остроумием пишет: «В предотвращение подобных беспорядков, впредь прошу вас адресовать мне просто: „Гоголю“, потому что кончик моей фамилии, я не знаю, где делся. Может быть, кто-нибудь поднял его на большой дороге и носит как свою собственность».

тери нашего писателя, Трощинский, в свое время важный сановник, скучая на покое от безделья, затеял у себя домашний театр. Ставились одни малороссийские пьесы, между прочим, и собственного сочинения главного режиссера – старика Гоголя, который в то же время исполнял также первые роли. Сын, отданный в Нежинскую гимназию, приезжая на праздники домой, не только присутствовал на этих спектаклях, но принимал в них иногда и участие. По его же почину в Нежинской гимназии воспитанниками была разучена и разыграна трагедия Озерова – «Эдип в Афинах», после чего были даны еще многие другие пьесы. Унаследовав от отца комическую жилку, молодой Гоголь брал на себя обыкновенно роли старух, как, например, роль Простаковой в «Недоросле», и играл, говорят, очень типично.

Та же врожденная насмешливость заставила его взяться и за перо: первым литературным опытом его была стихотворная шутка на одного товарища, остриженного под гребенку и прозванного за то Расстригой Спиридоном. Затем следовали сатира на жителей г. Нежина: «Нечто о Нежине, или Дуракам закон не писан», и трагедия «Разбойники». Последняя была навеяна, как надо думать, драмой Шиллера того же названия: пристрастившись к легкому чтению, Гоголь не только подбил товарищей выписывать в складчину разные журналы и сам взял на себя обязанности библиотекаря, но тратил и все свои небольшие карманные деньги на покупку книг; так выписал он себе, между прочим, из Лемберга сочи-

нения Шиллера за 40 рублей. Прослыв между товарищами «писателем», он задумал издавать и свой рукописный журнал. Назвал он его «Звездой» и ежемесячно к первому числу выпускал книжку, тщательно самим им переписанную и составленную почти исключительно из собственных его произведений. Сатирическое направление его журнала внушало товарищам его если не благоговение перед ним, то страх: все сторонились от него, потому что каждую минуту могли ожидать, что он пустит им в нос «гусара»³. Так уже в школе он не знал братской привязанности сверстников, беззаветной юношеской дружбы, и к природным отличительным свойствам малоросса – добродушному юмору и скрытности у него прибавилась третья, отталкивающая уже черта – лицемерие. Двоедушничать, играть комедию и в действительной жизни со своими ближними доставляло ему даже тайное удовольствие.

«Я почитаюсь загадкою для всех (откровенничает он в

³ В «Мертвых душах» Гоголь сравнивает положение одураченных Чичиковым жителей города NN с положением школьника, «которому, сонному, товарищи, вставшие поране, засунули в нос *гусара*, т. е. бумажку, наполненную табаком. Потянув впросонках весь табак к себе со всем усердием спящего, он пробуждается, вскакивает, глядит как дурак, выпучив глаза, во все стороны и не может понять, где он, что с ним было, и потом уже различает озаренные косвенным лучом солнца стены, смех товарищей, скрывшихся по углам, и глядящее в окно наступившее утро с проснувшимся лесом, звучащим тысячами птичьих голосов, и с осветившеюся речкой, там и там пропадающею блещущими загогулинами между тонких тростников, всю усыпанную нагими ребятишками, зазывающими на купанье, – и потом уже, наконец, чувствует, что в носу у него сидит *гусар*».

письме к матери в 1828 году); никто не разгадал меня совершенно. У вас почитают меня своенравным, каким-то несносным педантом, думающим, что он умнее всех, что он создан на другой лад от людей. Верите ли, что я внутренне сам смеялся над собою вместе с вами! Здесь меня называют смиренным, идеалом кротости и терпения. В одном месте я самый тихий, скромный, учтивый, в другом – угрюмый, задумчивый, неотесанный и проч., в третьем – болтлив и докучлив до чрезвычайности, у иных – умен, у других – глуп».

Из того рвения, с которым Гоголь-юноша отдался сочинительству в ущерб даже школьным занятиям⁴, можно было бы, пожалуй, заключить, что он понял уже свое истинное призвание, сознательно готовился к деятельности писателя. Но что это было не так, видно из собственных его слов. «Во сне и наяву мне грезится Петербург, с ним вместе и служба государственная», – писал он матери в феврале 1827 года.

По мере приближения выпуска из гимназии нетерпение отличиться на служебном поприще все более в нем разгоралось.

«Еще с самых времен прошлых, с самых лет почти непо-

⁴ Вот несколько отрывков из журнала, веденного надзирателями Нежинского гимназического пансиона: «13-го декабря. (Такие-то и) Яновский за дурные слова стояли в углу. *Того же числа.* Яновский за неопрятность стоял в углу. 19-го декабря. П-ча и Яновского за леность без обеда и в угол, пока не выучат свои уроки. *Того же числа.* Яновского за упрямство и леность особенную – без чаю. 20-го декабря. (Такие-то и) Яновский – на хлеб и на воду во время обеда *Того же числа.* Н. Яновский, за то что он занимался во время класса священника с игрушками, был без чаю».

нимания (признавался он двоюродному брату своей матери, Петру Петровичу Косяровскому) я пламенел неугасаемую ревностью сделать жизнь свою нужною для блага государства, я кипел принести хотя малейшую пользу. Тревожные мысли, что я не буду мочь, что мне преградят дорогу, что не дадут возможности принести ему малейшую пользу, бросали меня в глубокое уныние. Холодный пот проскакивал на лице моем при мысли, что, может быть, мне доведется погибнуть в пыли, не означив своего имени ни одним прекрасным делом; быть в мире и не означить своего существования – это было для меня ужасно. Я перебирал в уме все состязания, все должности в государстве и остановился на одном – на юстиции; я видел, что здесь работы будет более всего; что здесь только я могу быть благодетелен, здесь только буду истинно полезен для человечества. Неправосудие, величайшее в свете несчастье, более всего разрывало мое сердце. Я поклялся ни одной минуты короткой жизни моей не утратить, не сделав блага... Никому, и даже из своих товарищей, я не открывался, хотя между ними было много достойных. Я не знаю, почему я проговорился теперь перед вами... что-то непонятное двигало пером моим, какая-то невидимая сила натолкнула меня...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.